

бил“ царя, произносит довольно большой по объему и риторически законченный монолог о монашеском смиреннии, т. е. о том же, чем кратко мотивируется отказ его от венца и в Грамоте. Следующий эпизод — пир в честь Сильвестра — сочинен составителем Повести; в Грамоте на него нет и намека; награждение Сильвестра „белейшим венцем“, о чем очень кратко сказано в Грамоте, развернуто автором Повести в четыре эпизода: сонные видения царя, собственно „сотворение“ клобука, видение Сильвестра и, наконец, церемониал возложения белого клобука.

Так, по канве Псевдоконстантиновой грамоты автор Повести создает „хитросплетенный“ по всем правилам агиографической литературы узор своего повествования.

Не случайно и изменение стиля изложения Повести, которое во второй половине первой части ее явно замедляется: в рассказ включаются различные религиозно-нравоучительные сентенции и отступления, вводятся диалоги действующих лиц. Различные „видения“ и „гласы“, употребляемые до сих пор в умеренном количестве и обычно кстати, там, где они действительно нужны для развития действия, начиная с этой части Повести сопровождают чуть ли не каждый шаг действующих лиц, чрезвычайно растягивают и однообразят изложение Повести. Все это является несомненно отражением индивидуальности, особенностями литературной манеры составителя Повести — не очень искусного литератора, но человека, начитанного в области церковно-исторической и агиографической литературы. Начав свое произведение компиляцией из нескольких источников (Житие Константина и Псевдоконстантинова Грамота, Житие и, возможно, „Деяния“ Сильвестра), он переходит к импровизации на сюжет одного из этих источников — Грамоты, чтобы затем развернуть во всю ширь уже свое собственное творчество. Рассмотренная нами вторая половина первой части Повести — история „сотворения“ белого клобука — и является, по нашему убеждению, вторым этапом, второй формой творчества составителя Повести, и в этом ее коренное отличие от первой половины.

Заключительной фразой импровизации составителя Повести на мотивы Псевдоконстантиновой грамоты является следующая, буквально взятая из последней, фраза: „Идеже бо святительская власть и христианскаго благочестия глава небесным царем установлена бысть — недостойно есть тамо власть имети земному царю“, и этой фразой заканчивается использование Псевдоконстантиновой грамоты в первой пространной редакции Повести.¹

Во второй пространной редакции этой фразой вводится значительный по объему кусок Грамоты, вставленный почти буквально, лишь с перемещением эпизодов и с пропусками отдельных, обычно не очень значительных фраз. Эта вставка значительно меняет, как мы укажем ниже, идейно-политическое содержание Повести, резко обособляет вторую пространную редакцию от первой. После вставки во второй пространной редакции также сообщается об отъезде Константина в Византию, и этим заканчивается в обеих редакциях первая часть Повести, охватывающая события, хронологически совпадающие с периодом царствования Константина Великого.

Следующие события, изложенные в Повести, связаны уже с более поздним историческим периодом, с новыми именами и с новыми ситуа-

¹ После этого кратко отмечается лишь, что, передав Сильвестру Рим с соответствующим „написанием“, Константин удаляется в Византию.